

Череповецкий государственный педагогический институт
им. А.В.Дунаевского
Вологодский государственный историко-архитектурный
музей-заповедник
Череповецкий краеведческий музей
Вологодская писательская организация

КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы к конференции
17 - 20 мая 1990 г.

Череповец
1990

С.Н.Доценко

СЕВЕРНЫЕ МОТИВЫ В АПОКРИФАХ А.М.РЕМИЗОВА

Русский Север вошел в жизнь и творчество Ремизова во время его пребывания в ссылке (Усть-Сысольск и Вологда, 1900-1903). Писатель соприкоснулся не только с интеллектуальной жизнью и борьбой политических ссыльных (см. его главу "Северные Афины" из мемуарной книги "Иверень"), но также с русским и зырянским фольклором. Зырянские легенды и мифы войдут в цикл "Полночное солнце" (1908), а работа над русскими северными легендами и сказками отразится в книге "К Морю=Океану" и второй (дополненной и исправленной) редакции "Димонаря" (1912). Тогда же писатель, на без содействия М.Пришвина, обратится к легендам лопарей, жителей "мрачной страны чарошеев".

Русский северный колорит заметно отличает "Димонарь". В него вошли несколько легенд из сборника Н.Е.Сичукова "Северные сказки" (СПб, 1909), обработанные Ремизовым: "Иов и Магдалина", "чужая вдова", "Кузьма и дедьян", "Пасхальный огонь" и др. Но более интересны

северные мотивы в повестях, написанных по другим источникам.

"Никола Угольник". Главные источники - сербский духовный стих "Св. Никола и триста старцев иноков", статья К. Даничкова "Никола = Угольник и св. Николай" (Дь92). Ремизов точно воспроизводит сюжет духовного стиха: Никола на пиру поднимает чашу во славу Бога Христа и вдруг засыпает. Чаша выпадает у него из рук, но не разбивается, Илья копытывает причину сна. Как оказалось, во сне Никола увидел, как буря гуть не поглотила корабль, на котором триста старцев плыли ко Святой Горе. Они обратились к Николе за помощью, и тот спас их от гибели. Но целый ряд деталей подвергся трансформации. В духовном стихе речь идет о Святой Горе (Афоне); у Ремизова паломники направляются "на Никольщину в Миры Дикидские" (город, где родился, жил и умер св. Николай). Сами паломники описываются... "старцами словоедкими" и плывут они "по холодному Ступенному морю". В поэтической топографии Ремизова "Ступенное море-Скена" - море, омывавшее Данию и Север Руси (см. карту Дании, сделанную Ремизовым - ИБ, ф. 634, оп. I, ел. кр. 18). Сюжет духовного стиха переносится на русские Север, и ремизовский апокриф приобретает "русский" колорит. Никольщина - тоже типично русский обычай справить Николу зимнего обильными возлияниями. Русским колоритом отмечены и святые на пиру. Ремизов перечисляет **всех** святых, известных народному календарю, причем использует их народные прозвища (Петр=полукорм, Афанасий=ломанос, Акимья=полухлебница, Вяслия=сшиба рога с зимы, Василий=капельник и т.д.) В апокрифе Ремизова Никола - "вышлюбод, страннопримец, вечный странник, вечный труженник, чудотворец и заступник за Русскую Землю", - т.е. образ, созданный русскими народными легендами. Он помогает мужику собрать урожай, поднять илльные работы, умиротворить самого Илью, вытащить телегу из грязи. Все эти мотивы Ремизов взял из легенд: "Илья-пророк и Никола", "Касьян и Никола" (из сборника Афанасьева).

"...нало приспособлять к к своей земле (обстановке), и к своим чувствам и понятиям. Приравливание чужих сказаний к своей национальности..." - в этом суть метода Ремизова, обращающегося к самому различному фольклорному материалу. "приспособление" к своей земле видим и в других "отреченных" повестях "Летописи". В "Рождестве Христовом" (1910) вместо трех царей-волхвов из страны персидской - "три мудрых лопарских царя", которые "влацели ветрами, подымали бурю, имели власть двигать морские острова, насыпать

стремя, обращать живое в камень..." (баснословные сведения о лопарских колдунах - ношдах Ремизов почерпнул из книги Н.Харузина "Русские лопари" (М., 1890) и этнографических очерков М.Пришкина). Библийская топография (Иерусалим, Иерусалим) дополняется зимними ("Северными") деталями: снег, мороз, сугробы и т.п. Богородица и Иосиф едут на перепись в Вифлеем в санях, которые тащат лошадей и ослика, - все подчеркивает местный колорит. Столь же характерна "елка", которую ждали вифлеемские ребяташки.

Евангельскую версию Рождества Ремизов дополняет и апокрифическими мотивами. Так появляется образ повивальной бабки Солосмониды, помстительницы Богородице при родах. Этот образ нередко встречается в русских заговорах. В заговоре, записанном в Вологодской губ., помнута "баба Салманида, коя Иисуса Христа самого повивала, пеленами пеленала..." (Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. - СПб., 1906, выд. I, № 79). Цитированный текст - один из возможных источников этого мотива, обнаруживающего свое "русское" происхождение.

Много позднее Ремизов заметил: "Когда в первый раз я увидел "Вифлеемскую перепись", я как сам побывал в заброшенном фламандском селе "Вифлеем", где чудо Рождества Спасителя мира закреплено в кругу своих земляков - фламандцев на этой земле под "нашим" небом. И не могу себе представить, как иначе изобразил бы я евангельское Рождество". Знаменательно, что Вифлеем Ремизов называет "фламандским селом": картина Питера Брейгеля Старшего "Перепись в Вифлееме" изображающая евангельское событие на фоне северного зимнего пейзажа, становится для него примером того, как это событие можно перенести в иное культурно-географическое пространство и окрасить местным колоритом. Именно таким видится Ремизову подлинный эскиз.